

Бурдье/Хайдеггер: контекст прочтения*

Здесь мы ставим перед собой задачу наметить актуальный для Бурдье практический контекст, определивший его прочтение работ Хайдеггера, и вскрыть структуры, которые, отражаясь в речи (письме) двух авторов, разделяют их в пространстве интеллектуальных и политических предпочтений. Мы делаем это с намеренным отказом от воспроизводства готовых форм: в отличие от традиционного подхода к оппозиции теории/политики, заданной явно или только подразумеваемой предпочтением одного из ее полюсов, мы не обсуждаем природы нацизма, не сопоставляем взглядов Хайдеггера и Бурдье в некой никому не принадлежащей (с претензией на универсальность) перспективе, как и не указываем места анализа, проделанного Бурдье, в ряду существующих трактовок хайдеггеровского творчества. Бурдье встраивает биографию Хайдеггера в социологическую схему своего прочтения, и первая часть нашей работы подчиняется следующему шагу в этом направлении. Мы используем элементы биографии Бурдье, чтобы прояснить схему его прочтения через практическое отношение к позиции, которую представлял Хайдеггер-философ в интеллектуальном пространстве — но не Германии, а Франции, точнее, в биографически актуальном для самого Бурдье пространстве позиций и точек зрения.

Настоящая работа Бурдье показывает несомненное преимущество социальной реконструкции интеллектуального схематизма (через условия его формирования и использования) перед благопристойной историей идей или герметичным комментарием текста. История практики позволяет с большой аккуратностью перемещаться между долговременными объективными структурами и устойчивыми диспозициями, в которых действие этих структур запечатлелось [1, с. 104-106]. Осажденные в индивидуальных диспозициях, следы позиций и оппозиций позволяют восстановить общую картину отношений сил, подготовивших и разметивших область последующей интеллектуальной работы. Иными словами, первую (и бóльшую) часть нашего текста мы постарались построить так, чтобы элементы

---

* Послесловие к: П.Бурдье. Политическая онтология Мартина Хайдеггера. М.: Праксис, 2003.

биографии Бурдье в условиях интеллектуального поля Франции 1950-70-х годов можно было рассматривать как непосредственный *социальный контекст* написания им «Политической онтологии Мартина Хайдеггера». Специфика данного исследования Бурдье, в частности, его затрудненная дисциплинарная идентификация, заставляет обратить особое внимание на взаимоотношения философии и социологии в биографии исследователя. На наш взгляд, описание структурных условий выбора, точек отталкивания философа по образованию в пользу социологии, позволяет существенно прояснить исходные диспозиции и ожидаемый эффект, заложенные в неортодоксальное прочтение Хайдеггера.

Вторая часть работы уточняет собственно социологический смысл этого приема — восстановление «чистого» смысла интеллектуальной практики в его исходном практическом звучании. Она построена вокруг ключевого момента метода: установления того специфического отношения, которое обеспечивает согласованность интеллектуальной и политической практики. Речь идет о гомологии, некаузальной, но производящей связи между разнородными практиками, которая расширяет горизонт социологического объяснения и, вместе с тем, существенно ограничивает произвол в «естественном» обращении социального исследования к генетическим гипотезам.

В заключение мы предлагаем вариант перехода от стратегических различий позиций Бурдье и Хайдеггера к семантическим различиям в способах их выражения, т.е. к самим текстам, которые содержат в себе зоны взаимоотношения — если не напрямую (как в данном случае у Бурдье), то через сохраняющие актуальность в интеллектуальном пространстве оппозиции и определяемые ими вопросы.

Элементы стратегии: практический смысл нового прочтения

Институциональное возрождение послевоенной французской социологии началось в 1946 с создания центра социологических исследований. Это событие было вызвано отнюдь не ростом признания, которое в первой четверти века дисциплина получила благодаря работам школы Дюркгейма, запечатлевшимся в библиографии и полемике философов, историков школы «Анналов», основоположни-

ков коллективной психологии. В послевоенном интеллектуальном поле место социологии приближалось к прямо противоположному. Сартр констатировал смерть дюркгеймовского проекта, и социальные науки во Франции рассматривались сквозь призму американской социологии, успехи которой вдохновили Жоржа Гурвича на создание центра [2, р. 367]. Вето, наложенное на нее господствующим экзистенциализмом гласило: социология — «полицейская» наука на службе правящих классов. Показательно в такой ситуации было то, что первоначально социологический центр создавался не для проведения исследований, а для организации конференций и семинаров, призванных изменить враждебное отношение к дисциплине [2, р. 367]. Трансформация центра на протяжении 50-х годов в исследовательскую лабораторию, сосредоточенную на проблемах труда и условиях городской жизни, в решающей степени была обязана его принадлежности к Национальному центру научных исследований. Но перемена не сократила, а, напротив, лишь увеличила дистанцию между социологами-исследователями и господствующими философами. Роль социологии как своего рода интеллектуальной резервации и открытый разрыв эмпирических исследований с философией, казалось, не оставляли места социальной теории.

Такой ситуация представляла на одном полюсе, объединявшем социологов, сильно тяготевших к радикальному марксизму, чье социальное происхождение и образование в подавляющем большинстве случаев было ниже той ступени, с которой начиналась «настоящая» интеллектуальная среда¹. Существовала и другая социология, точнее, социальная теория, сосредоточенная на полюсе университета и Высшей школы, выпускники которой «естественным образом» получали звание интеллектуалов или пополняли ряды высшего государственного чиновничества. С этого полюса социология отправлялась профессорами — по преимуществу в форме теории культуры, в противоположность исследованиям рабочей среды и мира

---

¹ Говоря о 50-х годах, Бурдьё отмечает: социологи, вступившие в профессию после 1945 года, «за редким исключением не проходили “королевский путь”: Высшая нормальная школа, конкурс на степень агрже и... в отдельных случаях даже были вытеснены в социологию за допущенный провал в философии» [3, с. 17]. Одновременно, «марксизм не существовал по-настоящему как позиция в интеллектуальном поле» [3, с. 13]. Прежде всего политическое, а не исследовательское использование марксизма в интеллектуальном поле и недостаточно благородная социальная принадлежность превращали актуальную социологию в событие, почти не различимое в интеллектуальной игре, которая в 50-е годы удерживалась оппозицией между экзистенциализмом и феноменологией, с одной стороны, и рационализмом и историзмом, с другой [4, р. 20]. Социологу-марксисту в ней изначально соответствовала роль эпизодического и отчасти комичного персонажа.

труда у париев-эмпириков. Интеллектуальный престиж такой социологии был так же невысок, но в рамках университетской иерархии социолог мог занимать высокий административный пост, претендовать на курс по истории философии и, тем самым, властными полномочиями компенсировать недостаток интеллектуального признания, впрочем, только усиливая пренебрежительное отношение к себе философов [3, с. 16].

К этому периоду общего непризнания социологии, расколотой на два полюса, и относится первое знакомство с ней Пьера Бурдьё, который вполне разделяет философское пренебрежение в адрес ее представителей.

В 1951-54 годах Бурдьё учится на философском факультете Высшей нормальной школы — элитарного учебного заведения, для поступления в которое, в отличие от Сорбонны, нужно держать экзамен, и успешное окончание которого гарантирует выпускнику государственный пост (преподавателя или чиновника). После ее окончания год преподает в лицее² Мулена, получает степень агреже³, готовит исследование «Временные структуры эмоциональной жизни», в названии которого явно звучит интерес к феноменологии. С 1958 по 1960 годы занимает место младшего преподавателя на факультете гуманитарных наук Алжирского университета, где читает курс о Дюркгейме и Соссюре, однажды заставивших философов считаться с социологией и лингвистикой. В 1960 году возвращается в Париж, а с 1961 по 1964 преподает в Лильском университете и начинает исследования по социологии культуры и искусства. Уже в 1958 году — в серии «Что я знаю?», рассчитанной на студентов и широкую образованную публику — выходит его первая монография «Социология Алжира» (которую он первоначально рассчитывал защитить как диссертацию), а в 1963 работа в соавторстве «Труд и трудящиеся в Алжире». Итак, *обращение* произошло. Амбициозный студент Высшей нормальной школы, начинающий философ, презрительно поглядывающий на профессоров-социологов межвоенного поколения, через 5 лет заявляет о себе как молодой социолог-исследователь. Этот срок не кажется слишком большим, если помнить о почти полной дисквалификации дисциплины в 50-х.

---

² Лицей — ступень французской образовательной системы, на которой учащиеся находятся с 13 до 17 лет.

³ Успешное прохождение конкурса на степень агреже необходимо для получения права преподавать в средней школе.

Как объяснить такой переход? Сам Бурдьё объясняет свое обращение влиянием Леви-Строса, который придал социальной науке авторитет, наследующий авторитету лингвистики и сопоставимый с нею [3, с. 17]. Однако принципиальную роль в этом обращении сыграли стоящие за теоретическим интересом социально-биографические обстоятельства.

Как позже указывает сам Бурдьё, быстрый рост с середины 1950-х общего числа студентов, а вслед за ним и преподавателей усилил социальное расслоение в университетском пространстве, а вследствие этого — и в интеллектуальном поле. В логике сохранения собственного престижа факультеты, обучающие классическим, или «каноническим», дисциплинам (включая философию) оказались в оппозиции недавно организованным факультетам новых дисциплин (включая социологию) [5, р. 176-180]. В свою очередь, в выборе студентами старой/новой дисциплины, и тем самым, будущей карьеры, острее выразились социальные иерархии, во многом основанные на социальном происхождении⁴. Та же механика действовала в отношении преподавателей, а также во всем интеллектуальном поле, растущей частью которого являлся университетский мир.

Первые опыты стратегического самоопределения Бурдьё получает еще до поступления в элитарную Высшую нормальную школу. Он готовится стать философом, видя в философии самую вершину символической иерархии, какой она предстает в 1950-х в различных секторах культурного производства, начиная со средней школы [6, р. 16-17, 23 сноска 5]. Он попадает в подготовительный класс, *khâgne* [кань], одного из самых престижных лицеев Франции, успешное окончание которого обеспечивает поступление в Высшую школу. Но если поступлению в *khâgne* предшествует только конкурс школьных отметок, то для перехода оттуда в Школу нужно выдержать настоящий экзамен, который закрывает ее двери для кого-то из бывших одноклассников. Поэтому, с одной стороны, замкнутый мир *khâgne* формирует общий этос и интеллектуальные амбиции, подкрепленные амбициями и авторитетом целого круга преподавателей: одного из персонажей «Политической онтологии», переводчика и адресата Хайдеггера Жана Бофре, наследника «благородной» аленовской философии Мишеля Александра или входящего в экзаменационную комиссию Мориса Мерло-Понти [6, р. 17]. Более того, именно

---

⁴ Слабая упорядоченность и социальная неопределенность новых дисциплин благоприятствовали поступлению на соответствующие факультеты выходцев из средних классов, не рассчитывавших взять слишком высокую для их семей социальную планку, и выходцев из высших классов, но с посредственными школьными успехами [5, р. 222].

здесь и преимущественно со слов преподавателей, а не из чтения текстов, усваиваются такие еще мало освоенные во французской профессиональной среде философы, как Гуссерль или Хайдеггер [6, р. 23 сноска 7]. С другой стороны, «дружба и ненависть кристаллизуются здесь в атмосфере непрерывного взаимного оценивания, продолжающего школьные оценки» [7, р. 116], усиливая чувство социальной и интеллектуальной принадлежности. Так, чтобы отличаться от своих товарищей, зубрящих греческий и латынь, Бурдье читает сартровское «Бытие и ничто» [20]. Одноклассники и приятели — это в то же время участники интеллектуального состязания и конкуренты ввиду поступления в Высшую школу.

Таким образом, *khâgne* — это не просто еще два года, автоматически переносящие на следующую ступень престижа; это место, где *социальные* иерархии начинают интенсивно переплавляться в *интеллектуальные*, снимая в новых формах исходные различия. Исключительность места и порождаемая ею конкуренция продолжают действовать после *khâgne*, усиленные годами учебы в Высшей школе и перенесенные в профессиональную практику. Именно здесь закладываются общие места и линии разрывов, которые с течением времени превращаются во «французскую мысль» поколения 1960-х и ее внутренние расхождения⁵. И именно здесь различия в школьных успехах и теоретических предпочтениях, наложенные на различия в социальном происхождении, приводят к поначалу неосознанному самоопределению в интеллектуальном пространстве. Подготовительный класс престижного лицея, Высшая нормальная школа, пост университетского преподавателя — тот «королевский путь», вид на который открывается из *khâgne*. Но сделать по нему первый шаг — означает также начать оценивать возможность пройти его до конца. Обращение Бурдье к социологии относится ко времени окончания Высшей школы, однако отклонение от «королевской» карьеры философа можно наблюдать на протяжении лет учебы.

Философская иерархия Высшей школы отражает иерархии интеллектуального поля того времени: центральную позицию здесь занимает экзистенциалист Сартр, периферийные — наследники рационалистической философии Геру и Вьюемэн, а также историки и философы науки Башляр, Кангилем, Койре и Вейль

---

⁵ Как отмечает социолог другого поколения, исследовавший профессию философа в послевоенной Франции: «Нельзя понять 60-е и 70-е, упустив из виду тесный мир школьной философии 50-х; точно так же и французская версия Хайдеггера — продукт отношения ученик-учитель и специфической риторики *khâgne*» [7, р. 116].

[6, p. 20]. Особое место занимает Мерло-Понти, преподающий в Высшей нормальной школе: оказавшись «альтернативным» по отношению к Сартру мыслителем, для молодых философов-нормальенцев он становится фигурой первого плана [4, p. 28], придав феноменологии на французском языке более глубокое, чем у Сартра, звучание — под его влиянием Бурдые обращается к Гуссерлю⁶. Работы «периферийных» философов продолжают рационалистический строй гуссерлевой феноменологии. При этом, будучи «выходцами из народа и провинции» или вовсе иностранцами [6, p. 20] (как русский Койре), предлагая не эквивалентную по престижу, но весомую замену «легкости» сартровского экзистенциализма, они, в конечном счете, интеллектуально притягивают тех, кто близок им социально. В свою очередь, Бурдые, будучи выходцем из семьи провинциального чиновника, оказывается социально ближе именно к этим философам-рационалистам — если не к марксистам-эмпирикам — чем к своим товарищам по Высшей нормальной школе, которые впоследствии взойдут на французский философский Олимп. Отвергая вошедшую в моду линию Батай-Бланшо [3, с. 14] и интеллектуально отдаляясь от повсеместного Сартра в сторону рационалистов и историков науки, Бурдые социально отдаляется от выходцев из крупной буржуазии. Продолжая это движение, он оказывается на границе парижской интеллектуальной и одновременно крупнобуржуазной среды, в игре вкусов и предпочтений которой не может рассчитывать на полное — социальное и интеллектуальное — признание⁷. И именно

---

⁶ Этот факт, а также, в целом, роль феноменологии в интеллектуальной биографии и теории Бурдые подробнее рассматривается в: [20].

⁷ Бурдые родился в семье провинциального чиновника почтовой службы [8]. Ссылаясь на этот факт, он трактует его как преимущество по отношению к своим социальным и интеллектуальным диспозициям: «Может быть, как раз потому, что мне не нужно было улаживать дела с буржуазной семьей, я был менее подвержен символическому разрыву...» [3, с. 15]. Однако для успешной карьеры в среде философов, где господствующие принадлежали к более высоким социальным слоям и были расположены к культурному успеху благодаря раннему вовлечению в сегменты престижного культурного потребления и производства, провинциальное и мелкобуржуазное происхождение, т.е. практически усвоенная не-столичность, несмотря на окончание одного из самых престижных лицеев Франции и Высшую нормальную школу, оказывалась явным препятствием в ориентированной на специфически столичный вкус игре. Столкновение с культурой буржуа приводит Бурдые к резко негативному взгляду на парижский интеллектуальный мир [8]. Его следствием становится острая критика в адрес производителей «радикального парижского шика», которую Бурдые не прекращает и сегодня [11, с. 10]. Возврат — занявший несколько лет после окончания Высшей нормальной школы — в центр интеллектуальной жизни, Париж, с географической и интеллектуальной периферии (Алжир, Лиль), с одной стороны, фиксирует социальную и интеллектуальную дистанцию в стремлении ее преодолеть, с другой, наполняет ее нетривиальным интеллектуальным опытом, не вполне регламентированным парижскими правилами игры.

В связке происхождения-отношения к интеллектуальному миру, равно как и в факте быстрого роста университетского мира, пришедшегося на начало научной карьеры, обнаруживаются недвусмысленные сходства между биографиями Бурдые и Хайдеггера (ср., в частности,

здесь — уже на границе его собственных предпочтений — оказывается Хайдеггер, фигура, постепенно приобретающая неустрашимость во французской философии и в этом социально-интеллектуальном пространстве располагающаяся на полюсе Батай-Бланшо и в оппозиции к Гуссерлю-Башляру.

Таким образом, обращение Бурдьё к социологии во многом основывалось на силе социального отталкивания: не сделав собственно умозрительного выбора между дисциплинами и отнюдь не по причине интеллектуальной неудачи (напротив, не имея возможности вполне реализовать свои навыки и амбиции), он был перенесен в дисциплину-парию механизмом «естественного отбора» доступных вариантов, когда отказался от положения периферийного философа с отсроченной карьерой.

Вхождение в социологию, впрочем, не было однозначным и безоглядным. Описывая эволюцию своих предпочтений, Бурдьё отмечает, что, ориентируясь на авторитет Леви-Строса, сначала становится этнологом и лишь затем обращается к исследованиям по социологии труда и образования — наименее престижным тогда разделам [10, с. 28]. Более того, выбор в пользу этнологии и социологии некоторое время продолжает оставаться фактом стратегии и практики, но не элементом самоопределения. Уже проведя ряд эмпирических исследований, т.е. «запятнав» свое философское достоинство, он продолжает определять себя через прежнюю вершину символической иерархии: «Я мыслил себя философом и потратил немало времени, чтобы признаться себе в том, что стал этнологом» [3, с. 18]. Но то же, что свидетельствует о прогрессе исследовательской работы, ужесточает границу, отделившую его от философского истеблишмента. В 1968 году в соавторстве выходит учебник «Ремесло социолога» — Бурдьё принимает самоопределение социального исследователя-ремесленника в противовес свободному мыслителю-аристократу. Два типа практики — этнологическая и социологическая — в дальнейшем непрерывно переплетаются и подталкивают друг друга в многочис-

---

с гл. 2 «Политической онтологии»). В этой биографической близости можно усмотреть один из источников интереса Бурдьё к интеллектуальной и политической траектории немецкого философа. Стоит, однако, отметить, что в другом месте и в другое время, в т.ч. в прямой оппозиции к Хайдеггеру и его наследникам, Бурдьё сделал прямо противоположный хайдеггеровскому поворот: не к онтологии, а к критической социологии, политическая функция которой была явственно обозначена критикой социального неравенства, а впоследствии реализована в прямой политической поддержке «сопротивляющегося низа» (алжирских интеллектуалов, манифестаций безработных, забастовок рабочих).

ленных работах⁸, приводя и к таким нетривиальным и скандальным формам, как критическая «этнография» академического мира [5]. С 1964 по 1970 год (до первой теоретической монографии «К социологии символических форм», вышедшей на немецком) он публикует в соавторстве 7 исследований, основные темы которых: кризис аграрного общества в Алжире, воспроизводство образовательной системы во Франции и практическое отношение студентов к культуре, фотография и посещение музеев как практики культурного потребления, основы социологического ремесла⁹. Можно видеть, что, войдя в социологию, он перемещается между двумя ее тематическими полюсами, прежде принадлежавшими по раздельности исследователям-эмпирикам (мир труда) и профессорам-теоретикам (мир культуры). С этого времени Бурдьё и присоединившиеся к нему молодые исследователи и студенты начинают формировать новую *содержательную* позицию в социологии, которая закрепляется новой *институциональной* позицией.

В 1964 году Бурдьё получает пост преподавателя в 6-ой секции Высшей практической школы, в 1975 году преобразованной в самостоятельную Высшую школу социальных исследований. Необычное сочетание — философ, выпускник Высшей нормальной школы, ведущий эмпирические исследования в сферах труда и образования — удачно подкрепляется принципом организации школы: обучение в ходе ориентированных на практику семинаров (а не лекционных курсов). Согласно самому исходному замыслу, сотрудники школы совмещают преподавание с исследованиями, поэтому педагогическая нагрузка меньше университетской, а предпочтение отдается исследовательской практике. Среди институций, наследующих интеллектуальной ситуации 50-х годов, когда между университетским теоретизированием культуры и эмпирическими исследованиями мира труда в режиме сочувствия и соучастия не было почти никакой связи, школа занимает особое положение¹⁰.

---

⁸ В частности, Бурдьё указывает, что десятилетие между 1965 и 1975 (за это время увидели свет 7 монографий) он делит между исследованиями берберской культуры и системы образования во Франции [3, с. 41].

⁹ Речь идет как раз о «Ремесле социолога», основополагающем для нового, практически ориентированного социологического образования учебнике; его соавторы: Жан-Клод Пассрон и Жан-Клод Шамборедон.

¹⁰ При этом, претендуя на роль собственной и независимой инстанции социальных наук Франции, а потому неизбежно воплощая собой логику, близкую «настоящей» интеллектуальной среде, она недвусмысленно тяготеет к полюсу исследований культуры, что характеризует ее положение и сегодня. Это тяготение отражается и в биографии Бурдьё: по мере эволюции его социологического предприятия все реже работы посвящены темам труда.

В 1960 году пост в школе предлагают либеральному мыслителю Реймону Арону, который создает в ее рамках центр европейской социологии. Арон — выпускник философского факультета Высшей нормальной школы, отправляет свои полномочия сразу в нескольких интеллектуальных сферах: он ведет философскую полемику с марксистами и, в частности, с однокурсником по Высшей нормальной школе, давним приятелем и постоянным противником Сартром, активно занимается политической журналистикой и, заняв пост сначала в Сорбонне (1955), а затем и в школе, превращается в социолога, публикуя обобщающие работы на темы, в то время наиболее актуальные для социальной философии и марксистской социологии¹¹. При этом, в отличие от большинства социологов-ровесников по межвоенному поколению он избегает круга исключенных — прежде всего за счет своей бесспорной принадлежности к «настоящей» интеллектуальной среде и гибкой интеллектуальной стратегии, которая закрепляет за ним авторитет в среде философов¹². Видя в Бурдье крупного в будущем социолога, он помогает ему перебраться из Алжира и приглашает в свой центр [20]¹³. Он предлагает Бурдье пост главного секретаря центра, и тот начинает фактически исполнять работу директора [8], а также, уже при Высшей нормальной школе, организует исследовательский семинар совместно с Жан-Клодом Пассроном, еще одним выпускником Высшей нормальной школы и его соавтором 1960-х и начала 70-х годов в работах по воспроизводству социального неравенства через систему образования во Франции. Майские события 1968 года, поляризовавшие весь французский интеллектуальный мир, раскалывают центр европейской социологии изнутри: от имени центра Арон подписывает конформистский «призыв к здравомыслию», возмущенный Бурдье от него дистанцируется и ищет способ обособиться институционально. В 1970, в рамках той же 6-ой секции Высшей практической школы он создает

---

¹¹ Среди его основных работ, посвященные собственно социо-экономическим темам приходятся именно на период с 1960 по 1970 год, т.е. с момента прихода в школу до момента избрания в Коллеж де Франс, а еще точнее, до 1968 года: «12 лекций об индустриальном обществе» (1963), «Борьба классов» (1964), «Демократия и тоталитаризм» (1965), «Три эссе об индустриальном веке» (1966), «Этапы [развития] социологической мысли» (1967).

¹² Так, например, именно Арон после возвращения из Германии, где он провел три года (1930-33) по окончании Высшей нормальной школы, знакомит Сартра с феноменологией Гуссерля и Хайдеггера [19, p. 120].

¹³ В 1955-68 годах Арон также преподает в Сорбонне, где он устраивает Бурдье на должность ассистента. Таким образом, уже с 1960 года последний институционально привязан к Высшей практической школе и Сорбонне, но некоторое время продолжает преподавать в Лиле.

новый центр: европейской социологии/социологии образования и культуры — куда переносится штаб исследовательской группы и совместного семинара.

Расхождение Арона и Бурдьё в контексте 68-го года может показаться очевидным, если принять за его основу конфликт политических предпочтений — правых и левых соответственно. Однако подобное быстрое объяснение скрыло бы не столь заметные, но оттого не менее основательные различия, которые сыграли здесь принципиальную роль. Наперекор политической логике, Бурдьё не отзывается злободневными текстами на события 68-го года [8], продолжая исследования и семинары в обстановке эйфорического беспорядка. В свою очередь, позиционные разногласия между ним и Ароном намечаются раньше, когда он начинает публиковать статьи в «Les Temps modernes» — журнале, возглавляемом главным оппонентом Арона, Сартром [20]. Это позволяет увидеть источник напряжения, вылившегося в разрыв, не в спонтанной политической реакции на майские волнения, а во внутрипрофессиональных расхождениях¹⁴, точнее, во вполне обозначившихся к тому времени различиях *профессиональных стратегий*. Пару Бурдьё/Арон можно рассматривать как стратегически (но не структурно) близкую описанной Бурдьё паре Хайдеггер/Кассирер.

Арон, особый, но показательный случай профессора старшего поколения, продолжая оставаться на границе между философией и социологией, выступал для коллег прежде всего в роли блестящего лектора, т.е. профессионального читателя и комментатора классических текстов и тем, придерживающегося правил академического прочтения¹⁵. Стремясь к интеллектуальному признанию и наследуя порядку философской практики, он был вольным стрелком, чьей мысли кажутся подвластны все цели. Бурдьё же, перейдя из философии в этнологию и социологию, при своем перемещении делает принципиальную ставку на коллективную практику, и только впоследствии и сверх нее обращается к более традиционной для философа работе над текстом одного автора, интерпретацией одного во-

---

¹⁴ Как сам Бурдьё указывает впоследствии, 1968 год разделил интеллектуальное поле по уже сложившимся линиям напряжения [5, р. 171].

¹⁵ Автор одной из работ, с явной симпатией указывающий место Арона в современной французской истории идей, замечает: «В действительности, мало найдется социологов, потративших столько времени на то, чтобы представить и обсудить [труды] отцов-основателей, как это сделал Арон» [19, р. 131]. Речь идет прежде всего об «Этапах [развития] социологической мысли», где он «реабилитировал Монтескье, заново открыл Токвиля, сделал одно из первых и редких исследований по Контю, дал введение в мысль Вебера и одну из самых основательных критик Маркса» [там же].

проса, историей одного гения¹⁶. При этом, в каждом анализе обязательно присутствует академически «непозволительный» прием *снижения* смысловых отношений до силовых: объяснение «чистого» смысла через политические, профессиональные, классовые деления. Бурдьё строит своеобразную когорту (в том числе новую поколенческую), которая удерживает фронт исследований и обеспечивает экспансию метода в новые области. Периодически сменяя объекты и темы, он не пренебрегает философской стратегией Арона или более яркого образца — «тотального интеллектуала» Сартра, однако при всей широте охвата, он, с одной стороны, удерживает в своих работах примат смысла, извлеченного из практики, над его интерпретацией *ad libitum*, с другой, повторяя прием, выстраивает их по принципу семейного сходства как части единого научно-политического проекта.

Перебивающий сугубо политические предпочтения разрыв с производством престижных и социально ограниченных смыслов усиливает критическую оппозицию к культуре по наследству, которая лежит в основе отношения Бурдьё к «канонической» дисциплине, философии, и ее распорядителям, философам. Именно здесь локализуется императив демистификации «философской философии», или «чистого» прочтения философских работ, образцовый пример которого он видит в многочисленных наследующих Хайдеггеру комментариях, произведенных как его ортодоксальными интерпретаторами, так и резко критикуемыми Бурдьё новыми философами, в частности, сокурсником по Высшей нормальной школе Жаком Деррида.

Следует заметить, что сам Хайдеггер предстает для Бурдьё фигурой двойного значения — со сдвигом от философского и политического, развернутого в данной работе, к методическому и стратегическому. С одной стороны, Бурдьё признает хайдеггеровскую философию источником некоторых посылок собственного ме-

---

¹⁶ К таким работам, помимо данного текста Бурдьё, могут быть причислены некоторые тексты из его сборника статей «Что значит говорить», написанных в 1970-е годы («Ce que parler veut dire», издан в 1982) или исследования, посвященные роли Флобера и Мане в истории поля культуры. Следует, однако, подчеркнуть, что в этих случаях, как и в данной работе, исходным контекстом интерпретации единичного у Бурдьё был не привычный философскому восприятию ряд надисторических смыслов, но актуальное поле профессии, где авторство, сказанное, воспринятое выступало практическим результатом или условием последующей практики. Разделение коллективной исследовательской работы и индивидуальной авторской стратегии происходит в начале 1970-х, когда Бурдьё продолжает работу по созданию школы, но перестает публиковать монографии в соавторстве. С 1972 по 1992 год все опубликованные им книги (в отличие от множества журнальных статей) подписаны одним именем. В этом можно усматривать повторную интеграцию философской стратегии в интеллектуальную практику: представлять свои тексты как личное достижение. Однако, в отличие от Арона, распространяющего действие этого принципа и на исследовательскую работу, Бурдьё мобилизует его только в борьбе за признание.

тогда: «Я читал Хайдеггера, много и с определенным увлечением... который... очень мне помог... проанализировать обычный опыт социального» [3, с. 15]. К этому стоит добавить о сближениях хайдеггеровского тезиса об открытости бытия с пониманием практики как открытого интенционального события и доопределения объективного социального мира субъективным актом классификации¹⁷. С другой стороны, концентрация в работах Хайдеггера всех философских ставок на высший, уникальный, единый смысл, дополненный ставками политического представительства — говорить от лица субъекта, обладающего «наибольшим существованием» (человека, народа, эпохи в целом) — делает его почти идеальным наследником вечности. Как и в случае с Ароном, Хайдеггер оказывается не столько политическим противником Бурдье, сколько стратегическим антиподом в интеллектуальном поле, о чем тот сам впоследствии говорит, указывая на оппозицию хайдеггеровского универсализма/собственного историзма [11, с. 23-24]. Стратегия философской речи Хайдеггера, утверждающей иллюзию интимного, один на один, общения с бытием, тотального мышления без посредников, т.е. без участия других профессионалов понимания, гения, прямо понятого всеми людьми или человечеством в целом, противостоит социологическому пониманию, обращенному к социальному миру через других, исходящему из множества конфликтующих определений и признающему в них собственную практическую ограниченность.

Поместить текст «наиболее легитимного философа» Хайдеггера в социальный контекст его производства — значило лишить философию непосредственной связи со всеобщим и, тем самым, потеснить безраздельно господствующую в интеллектуальной игре иллюзию абсолютной свободы, именем которой приговорена социология.

В 1975 году, в контексте непрерывной групповой работы и при двенадцати уже изданных монографиях, две трети которых — в соавторстве, Бурдье выпускает первый номер нового журнала «Actes de la recherche en sciences sociales»¹⁸. В его сдвоенном 5-6 номере за 1975 год опубликован первоначальный вариант «Политической онтологии Мартина Хайдеггера». Обеспеченный и усиленный опытом 68-го года (точнее, самой *возможностью*, на которую он указал), журнал разрабатывается как инструмент согласованной интеллектуальной интервенции в социальном мире. При этом, ориентированный на придание социологии статуса се-

---

¹⁷ О доопределении см., напр. [3, с. 34], в целом же, об интенциональности практики и определяющей роли акта классификации подробнее говорится в: [9, § 1.3.].

¹⁸ «Исследовательские труды по социальным наукам».

рьежного интеллектуального предприятия, он исходно противопоставлен умеренной, «знающей свое место» академической периодике, подобной восстановленному, освященному авторитетом Дюркгейма-основателя «*Année sociologique*» или скрупулезно-прилежному стоцелевскому «*Revue française de sociologie*», наследнику эмпирической социологии 1950-х. Одновременно, он противостоит популярной прессе, представляющей социальные науки облегченным стилем, в статьях, «интересных всем» [12, p. 227]. Первые номера «*Actes*» создаются в расчете на освободительный эффект, который способна произвести сама по себе научно обоснованная критическая речь, еще не ограниченная традицией и не связанная правилами «нормального» порядка признания. Тексты намеренно провокативны и размещены за рамками устоявшихся классификаций, равно внутрисоциологических, философских или обыденных — эта линия, претерпев коррективы в ходе академической институционализации школы Бурдьё, остается базовой для всей дальнейшей истории журнала. Опубликованные исследования вскрывают привычные и незаметные формы социального господства: социальную механику мира высокой моды, символическое насилие в системе образования, иерархию и логику воспроизводства академического корпуса, отражение социального неравенства в самовосприятии крестьян, нормализующие функции института армии, господство в формах обыденного и ученого языка и т.д.

Композиция журнала также удовлетворяет стилю критического романтизма. Первые два года в оформлении номеров участвует художник научно-фантастических комиксов Жан-Клод Мезьер¹⁹. Обращение к изобразительности, дополняющей содержательную специфику журнала, усиливает его разрыв с прочими академическими изданиями. Традиционно линейный строй социологического текста настойчиво и почти грубо нарушается: помимо фигурных заголовков и иллюстрирующих материал фотографий на страницах располагаются фрагменты комиксов, иллюстрации, газетные и журнальные вырезки, цитаты из интервью, пояснительные таблицы и комментарии-отступления в отдельных рамках, ксерокопированные фрагменты анализируемых текстов с подчеркиваниями и подписями от руки²⁰. В некоторых номерах авторство указывается не для каждого матери-

---

¹⁹ Автор статьи благодарен Яну Даре за указание на этот факт.

²⁰ Нонконформистская (по отношению к академическому канону) стратегия журнала описывается одним из его наиболее активных в первые два года автором: «Произвести одновременно несколько типов речи, предоставить сразу документ, схему и анализ — это избавляет письмо от

ала, а для целого блока статей²¹. Несмотря на то, что с самого начала журнал выпускается через издательский отдел Дома наук о человеке²², насыщенный графикой, с невыровненными справа строками, с отсутствующим курсивом, замененным на подчеркивание, бледнеющим от экземпляра к экземпляру шрифтом, в первые два года он остается на полпути между радикальным самиздатом и научной периодикой. Первые номера разносятся по книжным лавкам самими авторами и их добровольными помощниками.

Несмотря на академическую маргинальность, а точнее, благодаря ей, именно в этом журнале приобретает окончательные черты новая социологическая позиция. На удержание ее специфики работает тот факт, что большинство участников группы, складывающейся вокруг Бурдьё, подобно ему, не прошли через официальные социологические инстанции и усваивают профессию непосредственно в ходе исследований²³. В исследовательскую работу в нефилософской форме Бурдьё вводит и свои философские навыки и притязания, тем самым заставив признать новую позицию серьезным интеллектуальным и теоретически значимым проектом²⁴.

наваждения планом и в какой-то мере позволяет освободиться от риторики и порядка повествования, в которые академическое наследие включает сказанное» [12, р. 224]. И сегодня, в сглаженной правилами академической игры форме, журнал сохраняет базовые элементы изначально введенного нелинейного стиля представления.

²¹ Что составляет пункт неопределенности в сделанных много позже ретроспективных оглавлениях журнала. В частности, в качестве автора «Политической онтологии» в суммарном оглавлении «Actes» в № 120 за декабрь 1997 указан только Бурдьё, тогда как в полном оглавлении журнала на электронной странице центра европейской социологии (www.ehess.fr/centres/cse/actes-tech.html) — Бурдьё и Болтански. Отказ от результатов работы как индивидуальной собственности, выраженный в относительной анонимности ряда материалов, подчеркивает коллективный характер работы первых лет. На это же указывает текст, анонсирующий журнал на втором году его существования: выпуски за первый год представлены здесь как единый по замыслу проект, связными частями которого и являются отдельные статьи, в свою очередь, в тексте приводятся только заголовки статей и их критический смысл (но не имена авторов), а имя Бурдьё (главного редактора) в основном тексте не упомянуто ни разу (дана лишь ссылка на его статью в другом журнале) [12].

²² Основанный по инициативе Фернана Броделя (1963) негосударственный научный фонд, отчасти финансируемый и государством, функционирование которого тесно связано с Высшей практической школой (с середины 1970-х центральные подразделения обоих заведений делят одно здание и нередко — высших администраторов). Изначально созданный как ассоциация нескольких научных центров, фонд довольно быстро превратился в инстанцию, поддерживающую новаторские исследования в социальных науках и научные публикации исследователей Высшей практической школы, а к настоящему моменту — также в учреждение, координирующее междисциплинарные и международные научные сети.

²³ Подробнее об этом см. [9, § 2.4.].

²⁴ Если характеризовать активность Бурдьё в интеллектуальном поле в стратегическом плане, к ней вполне применимы (с учетом содержательных различий) его же слова из «Политической онтологии», относящиеся к Хайдеггеру: «Исключительность хайдеггеровского философского предприятия состоит в том, что оно стремится посредством революционного с философской точки

Взятая вне связи с этим динамичным контекстом, «Политическая онтология» может показаться работой, удаленной от центра социологической практики. Предпринятое нами введение в контекст призвано предупредить подобный вывод. Демистификация философии Хайдеггера, осуществленная Бурдые в привязке текстам, но также и к вполне осязаемым биографическим обстоятельствам, ложится в основание новой, приобретающей универсальные черты социологической позиции наряду с социологическими демистификациями неравенства, тогда же введенными в оборот им и его соратниками. Критическая работа ведется сразу по нескольким направлениям: против охранительного академизма в самой социологии, против абсолютистских притязаний философии в интеллектуальном поле в целом, против работы многочисленных интеллектуальных и политических инстанций по натурализации социального неравенства, против сведения научных классификаций к государственным и обыденным²⁵.

Если на сложившуюся к моменту написания «Политической онтологии» ситуацию глядеть сквозь ретроспективные очки хрестоматии, она может показаться моментом закономерного восхождения к вершинам: до высшего академического признания, избрания Бурдые в Коллеж де Франс в 1981 году, остается 6 лет. На деле же, постоянные критические усилия дают не только возрастающий теоретический, но и обратный, т.е. отрицательный институциональный эффект. Социологический проект, столь явственно направленный на изменение баланса сил, не мог не вызвать ответного сопротивления со стороны как коллег-социологов, так и прочих держателей ставок в интеллектуальной игре. И несмотря на кажущуюся близость триумфа, исследовательская группа во главе с Бурдые находится под сильным институциональным давлением, отзывающимся не только препятствиями в научной карьере исследователей, но и внимательным умолчанием вокруг их работ. В меньшей мере это касается самого Бурдые. Вслед за «Социологией символических форм», вышедшей в 1970 году, в 1976 году по-немецки выходит «Политическая онтология». Бурдые активно публикуется по-немецки, английски и итальянски. Авторизованный английский перевод первой монографии 1958 года («The Algerians») выходит уже в 1962 году. Второй изданной по-английски отдельной книгой становится в 1977 году дополненный текст «Эскиза теории практики» 1972 года. Тогда же выходит по-английски написанное в 1970 году совместно с Пассроном «Вос-

---

зрения переворота создать в рамках философского поля новую позицию, по отношению к которой вынуждены были бы определиться все остальные» (гл. 2).

²⁵ Подробнее об этом см. [9, §§ 1.3., 2.1.-2.2.].

производство», а в следующем году — их же «Наследники» (1964)²⁶. Институциональное давление во Франции ослабевает под действием международного признания его работ, которое в течение нескольких лет обратным ходом вводит социологический проект Бурдьё во французское поле.

Элементы метода: интеллектуальное поле и эффект гомологии

Интеллектуальная практика настаивает на отнесении всех ее неясностей в ее же пользу. Будучи произведен в контексте частных и произвольных взаимодействий, смысл сказанного и написанного размещается уже в иной перспективе, парадоксальным образом отсылающей и к вечности, и к преодолению предшественников, но стремительно уводящей от первоначального места появления. Социологически объяснить смысл интеллектуальной практики, указывает Бурдьё — это извлечь ее из перспективы «чистого» прочтения и восстановить в условиях ее происхождения. В этом повороте от вечности к исходному произволу сами «вечные» границы между политическими предпочтениями, логикой объяснения, профессиональной конъюнктурой утрачивают власть над ходом анализа. Все, что для традиционной интерпретации представляется иноприродным и разделенным, в социологической проекции сходится в фокусе практики, обеспеченной интеллектуально-телесным единством действующего лица — производителя смысла. Тем самым, строгость интерпретации интеллектуального смысла как практического уже не зависит от полноты системы формальных сходств/различий, определяющих сказанное или написанное по отношению ко всем предшественникам, выстроенным в один ряд, который пересекает века и континенты. Она определяется полнотой реконструкции двух сфер непосредственно производящих условий: со-

---

²⁶ «Политическая онтология Мартина Хайдеггера» в английском переводе появляется только в 1991 году, что, несмотря на спрос в американском поле на «французскую теорию», нередко квалифицируемую как постмодернистская, вводит в него Бурдьё прежде всего как социолога. Особенности международного признания, связанные с неравномерностью появления английских переводов, уже в середине 80-х заставляют Бурдьё подчеркивать в американской аудитории свои отличия от структуралистов [13, с. 182], а в середине 90-х — от постмодернистов, прямо указывая на принципиальное несходство в функционировании американского и французского интеллектуальных полей и связанный с ними эффект аллодоксии, который определяет систематическое отклонение в восприятии американскими читателями его работ [10; 11, с. 9-11].

циальных отношений, которые через различные формы принуждения формируют интеллектуально-телесное единство, и устойчивых схем производства-потребления смысла, которые, выступая продуктом согласованных принуждений, это единство поддерживают [1, кн. 1, гл. 3-4]. Рассмотрение одной сферы вне связи с другой, как указывает Бурдьё во введении данной работы, приводит либо к сугубо внутреннему прочтению, либо к «короткому замыканию» интеллектуального смысла непосредственно на социальные условия.

Несмотря на заключенный в исследовании практики поиск общего основания для многочисленных вариаций, политика, тем не менее, не мыслится как нечто неотделимое для производителя смысла от философии, а правила работы с понятиями не отождествляются с правилами политической игры. Бурдьё неоднократно подчеркивает: «Поле культурного производства — это совершенно особый социальный мир» [14, с. 208-209]. Данный факт имеет историческое происхождение, и в отдельном исследовании Бурдьё прослеживает историю и логику автономизации культурного производства прежде всего от экономического, но также и от политического принуждения [15]²⁷. Однако действует и своего рода таинственная, часто неуловимая связь между конкретными формами политической и интеллектуальной практики. В специфике и относительной независимости культурного производства, которая развернута в свойственных только ему проблемах и способах выражения, присутствует собственная политическая игра, подвижный баланс сил между новаторами и консерваторами, молодыми и старыми, защитниками автономии и популистами и т.д. Именно подобие между «большой» политикой внешнего мира и внутренней политикой интеллектуального поля является одним из основных производящих условий, анализ которых объясняет схождения и разрывы внутри одного поля, а также взаимную поддержку или острую нетерпимость у представителей различных полей. Сходство в распределении и логике действия сил любого поля производит эффект гомологии — структурной равно-

---

²⁷ Настолько, насколько это исследование основывается на французских данных, настолько же ограничена переносимость его частных выводов на другие национальные производства. Как указывает Бурдьё, приступая к анализу хайдеггеровской речи, каждый раз исследователь вынужден заново проводить ту огромную работу по восстановлению социальных условий производства, которая позволяет ему ввести в анализ случайность и произвол множества определяющих обстоятельств. Тем не менее из частного случая можно извлечь пользу для объяснения если не событийного ряда, то общей логики автономизации, которая уже в виде исходной гипотезы может быть перенесена на иные случаи. Пример общей схемы и первых посылок подобного исследования дан в одном из выступлений Бурдьё [11].

значности позиций, которая и служит основанием для взаимных оценок и действий представителями различных полей [14, с. 208].

Эффект гомологии дает первое основание для анализа текстов Хайдеггера в контексте политических отношений: с одной стороны, его претензии на господствующую позицию в философии, подобную позиции политического господства Гитлера, с другой, принципиальные смысловые сближения его философских речей с нефилософскими речами таких консервативных публицистов, как Юнгер или Шмитт. Структурной гомологией Бурдые объясняет вступление Хайдеггера в нацистскую партию, которое, однако — если правильно понимать гомологию как подобие, но не как причину — вовсе не было неизбежным или закономерным событием²⁸. Ею же он объясняет отход Хайдеггера от мобилизованных форм политического участия, разочарованного невозможностью достичь абсолютного господства в философии, которую мог бы обеспечить новый политический режим. Отсюда можно видеть, что гомология — это не позитивный закон интеллектуального производства и социального мира в целом, но предварительное условие, которое облегчает вступление в коллективную практику тем, кто занимает сходные позиции в разных пространствах, и усиливает напряжение между теми, кто занимает далеко разнесенные или структурно противоположные позиции. Структурная гомология, действующая за рамками простых политических делений, намного лучше объясняет и французскую рецепцию Хайдеггера. Не кто иной, как Сартр, господствующий в послевоенном интеллектуальном поле Франции левый, включает господствующего в философском поле Германии правого Хайдеггера в число экзистенциалистов, тем самым вписав его в теоретическое самоопределение торжествующего Сопротивления: «Экзистенциализм — это гуманизм».

Введение гомологии как производящего, но не причинного отношения требует особого внимания. Вопрос о следствиях (в том числе о временном следовании), естественным образом разрешаемый указанием причин, здесь оказывается попросту неэффективен. Объяснение связи интеллектуальной и политической

---

²⁸ Отсутствие прямой связи между подобием позиций и участием в организованном политическом действии Бурдые демонстрирует на примере уже более обширных социальных образований, противопоставляя практические группы и классы на бумаге: из сходства условий жизни или социальных предпочтений не вытекает с необходимостью единое мобилизованное участие [16, с. 59-63].

практики через структурную гомологию превращается в «двустороннее». Это хорошо видно при сравнении «Политической онтологии» с более поздней работой. В 1984 году Бурдьё публикует «Homo academicus» [5], где обобщены результаты двадцатилетних исследований французского академического мира. Это исследование помещает в социальный контекст уже не одного философа, а 170 профессоров (включая самого Бурдьё) из двух университетов, Коллеж де Франс, Высшей практической школы и ряда других институций. Здесь статистические характеристики поля, заложенные в анализ одной позиции в виде исходных допущений, приобретают явную форму: деятели академического мира охарактеризованы через обширный набор одних и тех же переменных (от года рождения до количества публикаций в различных изданиях)²⁹. И если в изучении единичного и особого случая политическая логика довлеет над интеллектуальной — Бурдьё признает философию Хайдеггера эвфемизированной формой политики³⁰ — то анализ обширного статистического материала, как кажется, полностью переворачивает перспективу, увлекая за собой и основной вывод. Специально останавливаясь на роли событий 68-го года, Бурдьё показывает, что не политические предпочтения определяют внутрипрофессиональные разрывы, но позиции в иерархизированном академическом пространстве определяют политическую реакцию на кризис. Держатели низких и неустойчивых позиций (младшие преподаватели, новые дисциплины) склонны требовать изменения порядка — прежде всего внутрипрофессионального, но также и социального в целом, переозвучивая свои профессиональные интересы на языке политических универсалий [5, p. 225-230]. И наоборот, обладатели высоких позиций наряду с карьерным успехом склонны защищать и тот социальный порядок, в который этот успех вписан. Не делая акцента на шокирующих сопоставлениях, и возможно, даже не имея их в виду, Бурдьё вскрывает ряд сходств в условиях, подготовивших немецкую консервативную революцию 30-х и французскую студенческую революцию 68-го.

Сопоставление тезисов двух работ, на первый взгляд, показывает, что введение гомологии как вероятностного отношения допускает больший произвол в генетических гипотезах. Однако правильнее будет сказать, что, подобно дюркгей-

---

²⁹ Подробные списки источников данных и переменных приведены в Приложениях 1 и 4 [5, p. 253-266, 287-288].

³⁰ «Политическая точка зрения, выраженная не иначе, как философски» (Введение к «Политической онтологии»).

мовской связке-оппозиции коллективного/индивидуального, оно накладывает ограничения на само причинное объяснение: не политическая практика порождает интеллектуальное производство (или наоборот), но сходные позиции в каждом из этих относительно автономных миров порождают у их обладателей близкие предпочтения и действия. В этом смысле тезис из «*Homo academicus*» — при всей его парадоксальности — полнее, чем определение хайдеггеровской философии в «*Политической онтологии*», отражает собственную специфику академической игры: отношение к «большой» политике здесь зависит от «малой» политики, т.е. от распределения сил внутри профессии. Но различие предстает столь контрастным только в итоговых формулировках. В самих же исследованиях зазор между перспективами сходится в *методе*. Указывая на приток студентов/девальвацию профессорского поста, положение университетских пролетариев, движение «грустных тем» из художественных кружков с университетской периферии к центру, содержание продукции в смежных производствах (публицистика, кино) в «*Политической онтологии*» Бурдые вводит то самое интеллектуальное пространство, которое говорило устами Хайдеггера, занявшего в нем свое место. Бурдые неоднократно оговаривает факт относительной автономии поля философии, настаивая, что здесь ресурсы политического участия могут усиливать профессиональный эффект, но не замещать его. Таким образом, и в анализе (как и в самом акте) хайдеггеровской речи присутствует поле — механизм, порождающий собственные эффекты и принуждения.

В целом же, при объяснении действующих сил и оснований, гомология, вытекающая из логики поля, заставляет отказаться от конечной причины в пользу таксономии следствий, порождаемых властными отношениями — специфически по содержанию, но сходным образом упорядочивающими каждый из практических миров³¹. В свою очередь, оставляя в стороне вопрос об установлении «действительных» причин, ответ на который заранее вписан в телеологию актуального политического порядка, объяснение гомологией открывает исследование критиче-

---

³¹ В определении власти через поле и структурное подобие различных полей [14, с. 209-214; 5, р. 231-232] Бурдые сближается с пониманием власти, какое ей придает Фуко: локальных порядков, не производящих единой системы господства и не произведенных ею, но дающих сходные и даже согласованные следствия при устойчивом воспроизводстве всего пространства силовых отношений [17, с. 191-197].

ским предпосылкам, по тому же принципу гомологии лучше согласующимся с левыми политическими предпочтениями.

Элементы семантики: столкновение языков

Логичным продолжением нашей работы было бы установление связи между позицией и речью Бурдые — в сопоставлении и, отчасти, в прямом отношении к Хайдеггеру. Тексты, как ранее — детали биографии, можно было бы рассмотреть не сами в себе, а в логике их принадлежности к более общему и сложному пространству³². Такой взгляд позволил бы отойти от четкого деления семантики и прагматики и сделать отправной точкой анализа следующее положение: в интеллектуальном состязании речь и есть действие, причем нередко речь стремится покинуть предписанную ей область интеллектуальных последствий и произвести эффект прямой политической мобилизации. Бурдые вскрывает подобное устремление хайдеггеровских речей, умалчиваемое его ортодоксальными прочтениями и читателями. Однако узнать политический смысл хайдеггеровских речей и совершенно упустить из виду политический смысл речей Бурдые было бы ошибкой. Можно было бы показать, усилив анализ сопоставлением, что эффект мобилизации присутствует и в речах самого Бурдые: пророческие и революционные в теоретическом и политическом отношении, способы выражения Хайдеггера и Бурдые различаются прежде всего содержащимися в них мирами следствий. Именно поэтому, связанные рядом общих тем, которые обеспечены принадлежностью к пространству одних и тех же текстов и сходных интеллектуально-политических напряжений (прогрессизма/консерватизма, универсализма/историцизма, либерализма/почвенничества и т.д.), речи обоих уже в своей семантике несут конфликт позиций.

Однако, взявшись за введение в контекст социологического прочтения текстов Хайдеггера, мы уже не можем позволить себе подробного прочтения текстов

---

³² Если характеристики речи принадлежат не свободной воле автора-творца, но позиции и обстоятельствам ее произнесения и усвоения, речь можно рассматривать по образцу биографии — как продукт, в котором осаждается в частной форме интеллектуальное поле в целом.

самого Бурдые, которое грозит развернуться в самостоятельное исследование. Мы можем только наметить одну из возможных отправных плоскостей для дальнейшего пере-читывания. Взяв для примера не собственно политические выступления (а таковые с середины 1990-х активно публикует и Бурдые³³), но работы «внутреннего назначения», попытаемся описать конструктор их исходных значений и алгоритм его последующей политической сборки, с сохранением внутренних делений. Тексты Хайдеггера «Преодоление метафизики» [18] и Бурдые «Социальное пространство и символическая власть» [13] схожи по своему назначению (но, конечно, не содержанию): резюмируя длительный этап интеллектуальной работы, оба содержат базовые определения и оппозиции, из которых они исходят. В некотором смысле, эти тексты выступают саморецензиями, сообщающими о собственной позиции в интеллектуальном поле, и манифестами, предлагающими действовать в этом поле так, а не иначе. Чтобы узнать, о чем они сообщают, на первом шаге анализа мы пренебрегли смысловой структурой и, построив для каждого частотный словарь, получили тематические доминанты³⁴.

В семантическом пространстве тексте Хайдеггера доминируют следующие слова-темы (в порядке убывания): «воля», «метафизика», «бытие», «(недо-, сверх)человек-человечество», «думать-мыслить-осмысливать», «сущее», «власть-господство», «истина», «все-весь», «существо-суть», «обеспечение-обеспечить», «возможный-возможность», «мир», «история-историзм», «порядок-упорядоченный», «предмет-предметный-предметность», «становиться». Ряд наиболее употребительных вхождений, в свою очередь, образует устойчивые тематические ключи («воля к воле», «воля к власти», «существо метафизики»), которые фиксируют за ними специфическую понятийную функцию, тогда как иные («возможность», «человек») структурируют вокруг себя или определены через разнообразные контексты. Текст Бурдые образован следующими тематическими доминантами: «социальный», «объект-объективный-объективизм», «мир», «пространство-пространственный», «видение-(у)видеть-воззрение», «структуры-структурировать-структурализм», «конструировать-конструкции-конструктивизм», «относительный-отношения-реляционный-связи-связывать», «символический-символика», «власть-власт-

---

³³ См. подробнее [9, § 2.5.].

³⁴ Делая поправку на возможные при переводе терминологические смещения, а также стремясь представить темы, а не отдельные слова, ряд обозначений перед подсчетом мы объединили в близкие по смыслу связки. Для представления здесь обоих текстов мы ограничились наиболее употребительными и сопоставимыми по частоте вхождениями. Даже в таком виде, будучи представлены в форме ряда наиболее употребительных слов, тексты оказались «узнаваемыми».

ный», «группа», «позиция», «восприятие-воспринимать», «реальность-реальный-реалии», «агент», «(не)детерминированность-определенность-определять», «говорить», «являться», «(не)существование-существовать», «класс», «различие-различение», «точка», «называть-название». Как и в тексте Хайдеггера, ряд слов присутствует в устойчивых связках («социальный мир», «социальное пространство», «видение мира», «видение делений»), ряд других представлен через разнообразные контексты («реальность», «агент»), которые, однако, включены в более ограниченный, чем в тексте Хайдеггера, набор возможных понятийных сочетаний. Ряд тем, таких как «структуры-структурализм»/«конструкции-конструктивизм» или «объективный-объективизм»/«восприятие-воспринимать» связаны через более широкий контекст (вплоть до явных определений) отношениями оппозиции. В тексте Хайдеггера подобные оппозиции представлены такими, например, парами, как «бытие»/«метафизика», «бытие»/«сущее», «бытие»/«активизм», однако второй полюс оппозиции обычно не фигурирует в числе наиболее употребительных слов — оппозиции утверждаются и тут же теряются во множестве явных и неявных предметных определений, т.е. в установлении различной полноты тождеств между тематическими доминантами. В этом смысле, частотный анализ текста Хайдеггера менее представителен с точки зрения позиции его автора в интеллектуальном поле. Бурдые уделяет базовым оппозициям больше внимания, а следовательно, места.

Приняв в расчет различие правил при построении философского/научного текста (в частности, допустимую свободу в построении сложных понятий) и различие «главных» предметов речи, обозначенных в заглавиях «метафизика» и «социальное пространство», мы можем выделить на основе полученных результатов те расхождения, которые не сводятся к этим различиям. Именно их и следует рассматривать как способы выражения позиций в пространстве, где, благодаря сохраняющейся актуальности ряда тем и вопросов тексты Бурдые и Хайдеггера оказываются релевантными друг другу и доступными для сопоставления, несмотря на различие в дисциплинарной принадлежности. Здесь от отдельных значений мы переходим к смысловым конструкциям, которые совсем не обязательно выражены через один и тот же набор понятий, но подчиняются правилу гомологии, т.е. в сходных условиях (при введении схем причинности, порядка, фигуры *cogito*) выражают сходные отношения или занимают противоположные полюса в рамках сходных противопоставлений. Возьмем некоторые из числа основных.

Воля, судьба/восприятие, структуры — схема порождения в объяснении изменений. Если у Хайдеггера «воля» выступает одним из самостоятельно действующих, подчиняющих себе человека и, в этом качестве, тождественным судьбе (року) начал, у Бурдье структуры определяют не «суть» агента, а его схемы (категории) восприятия. В игре отождествлений Хайдеггер определяет метафизику и технику как рок человека, волю уподобляет судьбе, а волю к воле допускает как характеристику эпохи. Бурдье отделяет агента (исходно индивидуальное) от структуры (внеиндивидуальное) и вводит в качестве посредующего звена социальный генезис восприятия, а также обратное влияние восприятия на структуры. Непосредственность воплощения судьбы/наличие посредника между объективными структурами и схемами восприятия разносит Хайдеггера и Бурдье по разные стороны принципа мгновенного действия сил, перенесенного на социальный мир. Как ни парадоксально это покажется, но не социолог Бурдье, а философ Хайдеггер, при его предпочтении искусства, внимании к воле и критике «историографии», принимает детерминистский взгляд на историю.

Дело мысли, воля/работа восприятия, видение делений — установление условий действия и изменения. У Хайдеггера мысль, надстоящая отдельному человеку и непосредственно воплощенная лишь в ряду канонических философов, является предпосылкой воли и исторического движения; у Бурдье присвоение уже существующих объективных делений и есть первичный акт социального генезиса восприятия. Тесно смыкаясь с оппозицией *возможный/реальный*, представляющей отправные плоскости для философии Хайдеггера и социологии Бурдье, это различие указывает на разнонаправленность тяготений и, следовательно, позиционный конфликт: хайдеггеровскому господству возможного (мысли) Бурдье противопоставляет реальное господство и объективные различия (в т.ч. в усвоенной восприятием, т.е. субъективной форме).

Истина/отношение — предполагаемый результат работы метода, который обнаруживает нечто уже существующее «само по себе», но скрытое. У Хайдеггера в качестве этого существующего, но потаенного, выступает истина, у Бурдье — производителем, но не осознаваемым — отношение. Утверждению новой (и при этом единственной) истины, или сути истины, в которой Хайдеггер усматривает результат собственной мысли и, одновременно, повод для всегда неокончен-

ной полемики, противостоит установление объективных отношений, которые для Бурдьё с самого начала ограничены теми объектами, которые в них находятся — поэтому и возможная полемика ограничивается практическим опытом, связанным с этими объектами. Оппозиция окончательности (по крайней мере, в рамках эпохи)/частичности, запечатленная в этом ожидаемом от интеллектуальной работы результате, выводит к другой, сформулированной еще Кассирером, а потому актуальной как для Хайдеггера, так и для Бурдьё оппозиции субстанциализма/реляционизма. При всех осторожных оговорках, Хайдеггер, вводящий мысль и волю как самостоятельно действующие начала, а истину — как процесс установления данности, тяготеет к ее первому полюсу, тогда как Бурдьё, несмотря на универсализм ряда определений с использованием «отношений», указывает на множественность и соотносительность точек зрения, каждая из которых, заключенная в собственную область отношений, предполагает особое прочтение истины социального мира³⁵.

Уже эти три примера позволяют указать на выраженные в семантике текстов позиционные расхождения, которые в классической философской традиции³⁶ можно соотнести с «отвердевшими» оппозициями реализма/номинализма, идеализма/материализма, гегельянства/кантианства или с уже указанными и специфическими для французского интеллектуального поля 1950-60-х экзистенциализмом/историзмом, околохудожественной критикой/рационалистической феноменологией. И их же — уже в рамках политического порядка — с полюсами консерватизма/прогрессизма, религиозности/светскости. С философской точки зрения одним из определяющих можно назвать прочтение Ницше, у которого Хайдеггера интересуют сущностные определения воли и истины, а Бурдьё — прежде всего критический анализ перспективизма истины, превращенный усилиями французских постструктуралистов в целом из боковой темы философии в здравый смысл

---

³⁵ Вслед за этими тремя мы намеренно не выделяем крайне иллюстративной оппозиции «*бытие/социальный мир*» из-за ее отчетливой дисциплинарной зависимости (философ Хайдеггер/социолог Бурдьё). Тем не менее, стоит отметить, что эта пара вполне соответствует оппозиции универсализма/частичности — через связанную с нею и контекстуально ее определяющую группу понятий ({«сущность», «истина», «событие»}/{«отношение», «позиция», «восприятие»}).

³⁶ Из которой во многом исходит социологическая традиция и которая для Бурдьё — через полученное образование и усилия по изменению баланса сил и самолегитимации в интеллектуальном поле — является одним из опорных элементов его стратегии.

ряда социальных наук³⁷. С политической — определение мышления, которое у Хайдеггера «естественным образом» связано с судьбой эпохи и мыслителя, тогда как у Бурдьё выступает ставкой и результатом борьбы в системе социального неравенства³⁸.

При этом, в интеллектуальном срезе, возможно, даже более, чем в политическом, соединение полюсов не обеспечивается одной только чистой (т.е. философской) логикой, и на границе дисциплин может претерпевать резкие сдвиги. Так, у Хайдеггера примат мышления вполне «логично» совмещается с гегелевским субстанциализмом (равно как и с кантовским априоризмом, будучи приматом собственно философским). У Бурдьё же примату практического и социального соответствует не гегелевский холизм, а кантовский схематизм: определение практического агента через категории восприятия намного более, чем Марксу, обязано социологической интерпретации Канта Вебером, подхваченной им у старших неокантианцев, впрочем, уже внесших в кантианство ряд гегельянских поправок (в частности, понимание истории). И здесь же, бок о бок с номинализмом в анализе восприятия, соседствует примат структур, подчиненный уже собственно социологической установке, наследующей Дюркгейму, а также заимствованный у самого Хайдеггера постулат историчности и открытости (социального) бытия. Подобное можно сказать и о «чистоте» оппозиций, представленных по отдельности в каждом из текстов Хайдеггера и Бурдьё. Будучи продуктом революционной стратегии и работы на создание новой позиции — каждой в своем поле — тексты обоих не могут позволить какой-либо из оппозиций получить статус неизменной и окончательной: как только оппозиция признана таковой, революционная стратегия требует ее переопределения.

Однако, несмотря на постоянное движение понятийных пар в обеих работах, их соотнесение, в целом, позволяет увидеть соответствие между семантическими полюсами и полюсами в интеллектуальном поле, т.е. той биографической прагматикой, которая перенесла логику позиции в логику текста и предопределила смысл критического прочтения Бурдьё работ Хайдеггера. Аналитический реля-

---

³⁷ Генеалогия которого, впрочем, у самого Бурдьё — учитывая рационалистические предпочтения, вписанные в его биографию и частые аллюзии в текстах — можно с той же уверенностью возводить к монадологии Лейбница. См. лейбницеву метафору города, «перспективно умноженного» взглядом с различных сторон [21].

³⁸ Подробнее эта тема развивается в ряде работ, опубликованных после «Политической онтологии», в частности, в [22].

ционизм (в противовес некритическому холизму) при описании социальных структур, перспективизм в исходном определении социального мира и его возможного восприятия (в противовес «сущностному» взгляду), внимание к агоническому становлению социальных структур хорошо согласуются с критической диспозицией успешного выпускника лучшего учебного заведения, который обнаруживает, что «королевский» путь воплощения интеллектуальных и социальных амбиций блокирован правилами наследования, и ведет стратегию сопротивления-преодоления, с неизменным успехом оперируя сводом им самим описанных правил — соблюдая специфически научную форму критики, т.е. подчиняясь действующей в интеллектуальном поле цензуре на средства выражения³⁹. От французских наследников и ортодоксальных читателей Хайдеггера, претендующих на высшие позиции в интеллектуальной иерархии — к позиции самого немецкого философа; от социальных и интеллектуальных условий признания во французской философской среде — к условиям практики философски наиболее легитимного, но политически одиозного мыслителя. Так можно наметить движение от практических условий, в которых оформляются интеллектуальные предпочтения Бурдьё, к содержательному интересу, реализованному в его исследовании. К этому сто́ит добавить о сходстве ряда моментов в биографиях Хайдеггера и Бурдьё (происхождение, отношение к буржуазным доминантам философского успеха, отношение к интеллектуальному миру), которые послужили до-социологическим контекстом исследования.

Остается еще раз отметить, что «Политическая онтология», взявшись за «дело» философа, стремится покинуть и переопределить границы внутренней и надвременной философской полемики, сколь «высоко» ни звучали бы некоторые ее ноты, обязанные философскому образованию и теоретическим устремлениям автора. Критическое исследование социальных условий философской практики, вместе с целым рядом других работ Бурдьё и его единомышленников, в середине 1970-х легло в основу нового интеллектуального предприятия, определившего родовые черты современной французской социологии.

---

³⁹ Ср.: [6, p. 19].

Литература

1. Бурдьё П. Практический смысл /Пер с фр. под ред. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001.
2. Heilbron J. Pionniers par défaut? Les debuts de la recherche au Centre d'études sociologiques (1946-1960)// Revue française de sociologie. № XXXII-3. Juillet-septembre 1991.
3. Бурдьё П. «Fieldwork in philosophy»// Бурдьё П. Начала /Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994.
4. Pinto L. Pierre Bourdieu et la théorie du monde social. Paris: Alban Michel, 1998.
5. Bourdieu P. Homo academicus. Paris: Minuit, 1984.
6. Bourdieu P. Aspirant philosophe// Les enjeux philosophiques des années 50. Paris: Editions du Centre Pompidou, 1989.
7. Fabiani J.-L. Sociologie et histoire des idées// Les enjeux philosophiques des années 50. Paris: Editions du Centre Pompidou, 1989.
8. Corcuff Ph. De «La Distinction» à la «gauche de gauche»// Sciences Humaines. № 105. Mai 2000.
9. Бикбов А. Формирование взгляда социолога через критику очевидности (Приложение)// Ленуар Р., Мерлье Д., Пэнто Л., Шампань П. Начала практической социологии /Пер. с фр. под ред. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001.
10. Бурдьё П. Passport to Duke /Пер. с фр. А.Т. Бикбова// Пространство и время в современной социологической теории. М.: Издательство «Институт социологии РАН», 2000.
11. Бурдьё П. За рационалистический историзм /Пер. с фр. Н.А. Шматко// S/Λ'97. Социо-логос постмодернизма. М.: Институт экспериментальной социологии, 1996.
12. Grignon C. Une revue expérimentale française: «Actes de la recherche en sciences sociales»// Revue internationale des sciences sociales. Vol. XXVIII (1976). № 1.
13. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть// Бурдьё П. Начала /Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994.
14. Бурдьё П. Поле интеллектуальной деятельности как особый мир// Бурдьё П. Начала /Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994.
15. Бурдьё П. Рынок символической продукции /Пер. с фр. Е.Д. Вознесенской //Вопросы социологии. № 1-3, 1993; № 5, 1994.
16. Бурдьё П. Социальное пространство и генезис «классов» /Пер. с фр. Н.А. Шматко// Бурдьё П. Социология политики /Пер. с фр. под ред. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos. 1993.

17. Фуко М. Воля к знанию// Фуко М. Воля к истине /Пер. с фр. С. Табачниковой под ред. А. Пузыря. М.: Магистериум–Касталь, 1996.
18. Хайдеггер М. Преодоление метафизики// Хайдеггер М. Бытие и время /Пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993.
19. Chanlat, J.-F. Raymond Aron: l'itinéraire d'un sociologue libéral// Sociologie et sociétés. № 14(2). Octobre 1982.
20. Sapiro G. Pourquoi le monde va-t-il de soi? De la phénoménologie à la théorie de l'habitus// Sartre. Une écriture en acte /Sous la dir. de G. Idt. Cahiers RITM. № 24, 2001. Série «Etudes sartriennes». VIII.
21. Лейбниц Г.В. Монадология /Пер. с фр. Е.Н. Боброва// Лейбниц Г.В. Сочинения в 4 тт. М.: Мысль, 1982. Т. 1. С. 422-423.
22. Bourdieu P. Decrire et prescrire. Notes sur les conditions de possibilité et les limites de l'efficacité politique// Actes de la recherche en sciences sociales. № 38, 1981.